

Полумрак, разбиваемый на части ярким светом, падающим через высокие узкие окна, яркие его трапеции на каменном полу, отполированном ногами людей за долгие годы. Запах воска, которым натирают мебель, тяжелую, из темного дерева, которая стоит здесь, наверное, лет сто уже, а то и больше. Слышно, как шелестят листы бумаги в папке, когда преподобный, сидящий за судейской кафедрой, их перекладывает. Кто-то откашлялся, кто-то зашаркал ногами.

Вера, бледная от волнения, какая-то совсем маленькая, сидит в первом ряду в левой части зала, вертя в руках носовой платок, дергая его так сильно, что кажется, будто он вот-вот разорвется. Рядом с ней Аглая, с виду спокойная, но сидящая непривычно прямо. Левая часть зала, разделенного проходом посередине, — для тех, кто «за». Правая — для тех, кто пришел говорить «против». К этому времени отговорили уже все — и сама Вера, и Аглая, и ее дядя Евген, и поставщик товара для их семейного торгового дома Димитрий, и другие люди, с кем Вера вела дела, и даже я выступил, как ее «законный защитник». И сейчас преподобный Савва готовился огласить решение: не даром же они с Мироном Даниловым, городским головой, и церковным старостой Лукой Плотниковым совещались почти час.

— Оглашаю решение, — сказал преподобный, голос его эхом отразился от стен зала. — Прошу всех встать.

Послышался шорох, вздохи, заскрипели деревянные скамьи. Я тоже поднялся, опираясь на палку — последствия укуса змеи и операции по ликвидации последствий этого самого укуса.

Затем наступила тишина, все ждали. Шуршание листка, который преподобный взял в руки, показалось таким громким, словно это не бумага, а кровельная жесьть.

— Церковный совет острова Большой Скот и его славной общины рассмотрел дело о признании Веры Светловой, дочери покойного Павла Светлова, о признании ее совершеннолетней досрочно... — Преподобный поднял глаза, посмотрев на Веру, которая слушала, закусив нижнюю губу. — Основываясь на собственных наблюдениях и словах свидетелей, совет счел возможным признать Веру Светлову условно совершеннолетней.

Вера тихо пискнула, зажав рот ладонями, явно удерживаясь от того, чтобы не запрыгать, и наверняка пропустив слово «условно». По залу метнулся шум, кто-то за спиной у меня захлопал в ладоши.

— Однако! — уже громче сказал преподобный, обведя глазами зал, и шум сразу стих. — Однако совет счел необходимым подкрепить свое решение условиями, которые будут действительны до тех пор, пока Вера Светлова не достигнет возрастом восемнадцати лет.

И вновь тишина, звенящая, как будто никто даже не дышит.

— Поскольку Вера осталась последней от ветви Павла Светлова, совет налагает запрет на участие ее в походах за товаром, а также другой активности купеческого дома «Светловы», сопряженной с опасностью. Совет обязывает Евгена Светлова обеспечить Веру достойной и важной для семейного дела работой на берегу, и Совет же берет на себя обя-

занность проверять выполнение своего решения. Евген, с этим все понятно? — посмотрел преподобный на дядю Веры, невысокого, плотного, светловолосого, с округлой бородой, которая его почему-то не старила, а, наоборот, молодила.

— Все понятно, сделаю, как решили, — кивнул тот, явно довольный таким исходом дела.

Вера слишком довольной не выглядела, и я ее понимаю. Она рассчитывала, что продолжит дело своего отца как оно есть, будет ходить с «Чайкой» за товаром, торговать с неграми, открывать новые места, где цены хороши и товар нужен, но... преподобного я понимаю еще лучше. Девочка действительно последняя, случись с ней что — и ветвь семейная прервется, а по местным понятиям это недопустимо. Да и сам я, чего уж скрывать, за нее боялся бы, зная, что она самостоятельно ходит в плавания, защищенная лишь немногочисленным экипажем торговой шхуны. Довелось ей уже и на дикарей на берегу наткнуться, там отца и лишилась, и от пиратов убежать, причем тоже чудом спаслись, так что купеческий труд здесь безопасным не назовешь.

А еще у меня в таком решении преподобного свой интерес возник: команда «Чайки», теперь не связанная обязательствами перед ней, могла бы почти в полном составе перейти ко мне, на экспедиционную яхту «Аглая», на что я втайне и надеялся. Народ уже знакомый, проверенный, так что с ними мне лучше всего было бы.

— Вера? — между тем обратился преподобный Савва к девочке. — Ты слышала решение?

— Слышала, — кивнула она.

— Следующие три года, до твоего восемнадцатилетия, ничего изменить нельзя, — сказал священник. — Но после своего дяди ты становишься в вашем купеческом доме вторым человеком, так что не делай глупостей, просто работай, набирайся опыта. Ты меня поняла?

— Я поняла, — ответила Вера без особого вдохновения.

— Хорошо, продолжаем, — сказал преподобный, возвращаясь к тексту решения. — Поскольку законный защитник Веры Светловой, Алексей Богданов, — тут я немного приосанился, — в связи с возникшими новыми обстоятельствами, всем здесь известными, не сможет выполнять взятые на себя обязательства, — он посмотрел на меня, — Совет принял решение освободить его от таких обязанностей полностью. Тем более что они и сами по себе отпали, раз девочка совершеннолетняя, — сказал он уже явно не по тексту решения.

* * *

Полдень, солнце над головой — если бы не шляпа, так и глаз не открыть было бы, настолько оно яркое. Пахнет лошадиным навозом, горячей пылью, и сквозь это — какими-то ярко-красными цветами, которыми неожиданно расцвётился выюн, затянувший церковную стену наполовину. Люди выходили из церкви кучками, болтая, прощаясь и раскланиваясь. Меня неожиданно остановил Евген, чуть придержав за рукав.

— Хотел бы завтра увидеть тебя в конторе, если не трудно. И тебя, Аглая, — обернулся он к молодой загорелой блондинке, идущей под руку с Верой следом за мной. — Будем решать, какую работу поручать Вере, так что хотелось бы, чтобы вы присутствовали.

— Во сколько? — спросил я.

— К полудню неплохо было бы, если не трудно опять же, — сказал Евген. — Хоть официально ты уже не защитник, но... — Тут он замялся немного. — Не хочу, чтобы потом говорили, будто я злоупотребил своими правами.

— Понимаю, — кивнул я.

Я и вправду его понял. Ситуация все же неординарная, Евгений репутации узурпатора не хочет, и для него важно, чтобы о том, как все решено будет, знало как можно больше людей. Он уважаемый человек на острове, и репутация ему не безразлична.

— Придем, — сказала за меня Аглая. — Не сомневайся.

Евген улыбнулся сдержанно, коротко поклонился и пошел от нас, явно направляясь в контору, до которой отсюда было рукой подать. А Вера, Аглая и я направились к стоящей под навесом коляске, в которой сидел на облучке негр Василий, однорукий и одноногий, работавший на семью Светловых как кучер и вообще во всех делах помощник.

— Расстроена? — спросила Аглая, когда мы все расселись на мягких, обитых белой парусиной диванах.

Василий свистнул негромко, хлопнул лошадь вожжами, коляска поехала.

— А как ты думала? — Вера даже носом шмыгнула. — Сидеть теперь все время на берегу?

— Ну, на берегу как бы даже не важней будет, — влез я в разговор. — Воспринимай это как продолжение образования, да и все. Деньги делаются не только в походах, но и в конторе, так ведь? Кстати, там, откуда я сюда попал, на того же купца пять лет надо учиться, — вдохновенно импровизировал я.

— Я здесь со скуки умру! — аж подскочила Вера от возмущения.

— Если работы много, то какая скука? — запустил я практически неотбиваемый мяч. — И вообще, Вера, нельзя получать все сразу. Могло быть вообще намного хуже, признали бы тебя несовершеннолетней — и дяде под опеку отдали. И потом ты была бы в деле не второй рукой, как сейчас, а третьей, после Пламена.

— Пламен учиться продолжает, — буркнула девочка. — Он если в дело и войдет, то совсем потом, не скоро.

— Учиться? А на кого? — решил я чуть увести разговор в сторону.

— Географ и геолог. Вот он как раз в плаваниях постоянно будет.

Она сказала это словно в укор мне, как бы с намеком на то, что ей такая благодать теперь не светит. Но тронуло это меня очень мало. Вере пятнадцать, в этом возрасте три года вечностью кажутся, это лишь потом понимаешь, что пролетают они просто недопустимо быстро, а уж за делами и заботами так и вовсе как дни.

— Ну ты скажи! — немного удивился я. — А мне обещают географа посадить на яхту, без него нельзя. Не Пламена?

— Ему рано, — отмахнулась она, — еще три года учебы.

— Ну видишь, ему тоже три года. Успеешь.

— Вера, я вроде бы тоже с острова почти не выезжаю, — вмешалась в разговор Аглая. — И не очень страдаю, не заметила?

— У тебя работа такая...

— И у тебя теперь «такая», — оборвала ее Аглая. — Ты самого главного добилась — прав совершеннолетней, так что имей совесть и скромность. Уймись, прими как должное. Зато рядом со мной пока будешь, я этому очень рада, — добавила она, обняв девочку за плечи и притянув к себе. — И все, поехали ко мне сегодня, Валентина пирог испечь обещала, если все хорошо у нас пройдет.

— Меня только по пути высадите, — сказал я. — Мне еще в порт надо.

— Приедешь? — обернулась ко мне Аглая.

— К вечеру.

Вскоре коляска остановилась у ворот дома Анастасии Ивановой, тети Насти, у которой я снимал флигель, распо-

ложившийся в дальнем конце густого ухоженного душистого сада. Я попрощался со всеми до вечера и аккуратно слез с коляски, стараясь не напрягать больной ноги.

Тетья Настя — полноватая невысокая женщина с приятным лицом — возилась в саду, подрезая какие-то кусты. Услышав меня, обернулась, спросила сразу:

— Как прошло?

— Нормально, могло быть и хуже. Признали совершеннолетней, но до восемнадцати запретили в плавания ходить.

— А это и правильно, — сразу поддержала она такую идею, — успеет еще. Я с мужем моим, покойником, сколько лет по морю отходила, а начала уже в двадцать пять, если память не изменяет. Накормить?

— Не надо, спасибо, я за лошадью, сейчас в порт поеду.

— Могу бутерброды сделать, хочешь?

— Спасибо, тетя Насть, но мы гонца за горячим в трактир пошлем.

— А то скажи, мне нетрудно, — вернулась она к своему занятию.

Пришлось заодно переодеться — в церкви я был в «выходном», а теперь на работу надо. Надел серую рубашку из тонкого прочного полотна. Свободные штаны, считай джинсы, даже цвет похож, двухслойные спереди и там, где о седло трутся. Ноги всунул в низкие сапоги, вроде тех же ковбойских, но с круглым носком и низким каблуком. На бедра ремень-патронташ, на нем кобура с тяжелым револьвером. Здесь его официально называют «мастерской Васильева револьвер», но вообще это самый настоящий «смит-вессон», пригодный для стрельбы одиннадцатимиллиметровыми патронами, самый натуральный сорок четвертый калибр. Да, а кратко его «смитом» зовут.

Патронташ карабином к брючному ремню пристегнул, чтобы не съезжал, в довершение всего натянул широкие

помочи на плечи, чтобы уже штаны не съезжали. Все, готов идти.

Зорька — добродушная и спокойная рыжая кобылка, которую мне выделила из своей конюшни Аглая исключительно для того, чтобы у меня не было поводов не ездить к ней в гости, — явно обрадовалась моему появлению, лошадка была еще и общительной. Оседлал, вывел из конюшни и за ворота, затем с тихими ругательствами, пыхтя и стараясь не разбредить рану в ноге, вскарабкался в седло с непривычной, правой стороны, потому как левую ногу не только не согнешь, но и опереться на нее никак. Ничего, влез в седло, не свалился.

К порту ехал шагом: не хотелось тряски. Лошадка спокойно шла посредине замощенной камнем улицы, звонко щелкая подковами, я глазел по сторонам на уже ставший привычным пейзаж. Дома, все больше двухэтажные в центре городка и одноэтажные дальше от него, строены из слоистого камня, какой осыпается с гор по всему острову, никакого кирпича не надо. Архитектура чем-то грузинскую сельскую напоминает, но это и понятно — исходные условия примерно одинаковы. Чем дальше от центра, тем больше сады, ветви деревьев перевешиваются наружу, протяни только руку и рви что нравится, лишь веток не ломай.

Людей на улице немного, рабочий день в разгаре, а праздных здесь нечасто увидишь, разве только старики, но в такую жару и они по домам сидеть предпочитают, толстые стены домов хорошо хранят прохладу. Вскоре в конце широкой Портовой и сам порт стал виден, от которого она название и приобрела. Голубое море, мачты судов словно лес, а как ближе подъедешь, так и шум услышишь: в порту тихо никогда не бывает. Одно судно разгружают, другое грузят, третьё ремонтируют, в общем, работа кипит.

Моя трофейная яхта, в прошлом называвшаяся «Лейла», а затем переименованная в «Аглаю», понятное дело в чью

честь, стояла у причала судостроительной верфи, принадлежащей Иллариону Бражникову. Там судно килевали, очистив днище от водорослей и ракушек, а теперь перестраивали его по моему, так сказать, проекту, превращая грузовой трюм в два ряда небольших кают. Плаванья нас, похоже, ожидали длинные, так что размещать экипаж надо было хотя бы с таким комфортом. Это на торговых судах можно просто в гамаках в трюме спать, рейсы у купцов обычно недлинные, а у меня, выходит, планы другие.

Привязав лошадь у коновязи, я поковылял к причалу. У схода меня встретил Иван Копытин, моторист с «Чайки», который перешел в мой экипаж, решив на старости лет прихватить еще приключений. Мужик он опытный и механик хороший и всякого повидал — и в плену пиратском побывал, и в приватирах за теми же пиратами погонялся, и просто в торговых рейсах долгие годы провел. Высокий, сухой, жилистый, с седыми волосами, собранными в хвост на затылке, он сейчас возился с двигателем яхты, намереваясь добиться стопроцентной уверенности в том, что тот не подведет во время плаванья. Точнее, сейчас он старался вытереть перемазанные маслом руки.

— Ну, что там суд решил? — спросил он первым делом.

Я рассказал в двух словах, Иван кивнул удовлетворенно:

— Так и знал, пару таких решений преподобный и раньше вынес, всегда в таком вот духе. А нам так вообще хорошо.

— Думаешь, что с «Чайки» команда сюда придет? — усмехнулся я.

— Обязательно придет, а я им еще и намекну, — сказал он уверенно. — С Евгеном они никогда не ходили, договора с ним пока нет, тебя знают, так что... сам понимаешь.

— Хорошо бы, — вздохнул я, — со своими проще.

— Это точно.

Запах моря — йод и водоросли. Крики чайк, суетно мечущихся над водой, выхватывающих из нее, изумрудно-зеленой, мелкую рыбешку. Жаркое солнце, яркое до нестерпимости, отражающееся зайчиками от мелкой волны и заставляющее щуриться даже под полями соломенной шляпы. Гулкий стук досок причала под каблуками ботинок, пружинящие мостки, тиковая палуба, пропитавшаяся солью и отдраенная до белизны. Высокие мачты с убранными парусами. Поднимешь голову и видишь, как над ними плывут облака, и кажется, что это ты сам несешься куда-то. Запах дерева, смолы и свежей краски.

Зашел в рубку, огляделся. Ага, тут уже следы работы видны. Заделали дыры от пуль, все заново покрасили, лавки вокруг стола в кают-компании обтянули суровой парусиной. Стол, похоже, отполировали заново. В ходовой рубке тоже порядок навели и тоже кресла перетянули. Трап вниз, к каютам.

Работала в трюме целая бригада, Илларион торопился выполнить работу. Ставились перегородки, навешивались двери, делалась в каютах мебель. Не успел по трапу спуститься, как меня поймал бригадир плотников, повел показывать, что за сегодня сделать успели, и вопросы задавать.

Сначала в свою каюту заглянул и сразу хмыкнул удовлетворенно. Так особо ничего не поменялось, но мелкий ремонт сделали и стенки заново морилкой покрыли, ну и починили что-то по мелочам, в общем, она теперь новой выглядит. Уселся в кресло, откинулся, вытянул ноги — хорошо, хоть вообще здесь живи.

Каюта шкипера была не хуже, разве потеснее. Вдоль коридора, освещавшегося через световые люки, выстроились двери в кубрики для экипажа. По ходу дела их количество прибавили на две, еще подсократив трюм, так что стало по пять с каждой стороны, на двадцать человек в общей слож-

ности. Должно хватить и на экипаж, и на «гостей». Экипаж у меня с запасом планируется: нам не только ходить от острова до острова, но и на эти острова вылазки делать, поэтому нужны не только моряки, а еще и бойцы, пожалуй.

Каюты пусть не слишком просторные, но все же метра по два в ширину, как купе в поезде, с откидными полками. Даже шкафчик есть в каждой и маленький стол. На фоне того, что на купеческих судах экипаж спит в трюме, в подвесных койках, а добро хранит в сундучках, тут просто роскошь. Но нам и походы куда длительней предстоят, так что надо поудобней располагаться. Это купец до места дошел за неделю и потом отдыхает. У нас так не получится, видится мне, так что лучше готовым быть.

— Под приватирскую пушку укрепили палубу, видишь? — сказал бригадир, постучав ладонью по хитрой системе из вертикального столба и четырех наклонных опор, когда мы уже зашли в таранный отсек. — Все как надо сделали, проблем не будет.

Про приватирскую пушку я случайно узнал, и, к стыду своему, совсем недавно. А то бы даже не догадался это в перечень работ внести, но хозяин верфи Илларион, блеснув осведомленностью, меня с этим опередил и не дал накосячить в очередной раз, за что я к нему испытывал сильную, но совершенно тайную благодарность.

— Щиты железные к фальшбортам приклепали, — продолжал он показывать новшества. — Теперь от пуль укрыться можно. Пушка их снесет, понятное дело.

И действительно, к фальшборту изнутри во многих местах прижались железные пластины толщиной в полсантиметра, наверное. Вместе с самим бортом точно винтовочную пулю выдержать должны. Корма сплошняком по кругу такими прикрыта, равно и нос — для атаки и отступления.

— Хорошо, — одобрил я. — Главное, чтобы держало.

Разобравшись с вопросами плотников, поднялся на палубу, где меня принял Петр Байкин, самым первым нанявшийся ко мне, — высокий, жилистый, чуть сутуловатый и очень сильный мужик сорока лет, раньше служивший в Бухте объездчиком.

— Здравствуй, главный! — протянул он мне руку.

Ладонь у него что лопата, широченная и такая же жесткая. И кулак из нее получается внушительным.

— И тебе не хворать! — пожал я протянутую руку. — Какие новости?

Байкину я как раз поручил найти пяток человек из таких, что знают, с какого конца винтовка стреляет.

— Двух человек подобрал, они завтра придут. Оба с нами в походе были, в другом взводе. Еще двое на примете есть, сегодня вечером с ними поговорю, да и хватит, наверное. Пять человек получается, считая меня.

Байкин претендовал на персональную каюту, отсюда и цифра «пять» вырисовывалась. Хотя я настаивал на том, чтобы «стрелков» было шесть, три пары. Но Байкин, ничтоже сумняшеся, записал шестым меня: «Все равно же с нами ходить будешь». Я подумал и решил не спорить — все же ему по должности маленькая привилегия положена, да и мужик он толковый, лучше дать ему возможность почувствовать себя победителем.

— С оружием как решаем?

— Самим покупать придется, со скидкой в арсенале не выйдет, — малость разочаровал меня Байкин.

Трофеев на вооружение всего экипажа, естественно, не хватило. Взяли что-то на яхте, но большая часть оружия была снята с трупов убитых в засаде турок ополченцами, так что надо было этот вопрос тоже решать. Разумеется, у всех есть что-то свое, для торгового судна этого вполне хватает, но для нас такие расклады не подходят, нужна какая-то унифи-

кация, по типам и боеприпасам. Поэтому я решил закупить для всех такие же рычажные карабины, как те, что выдаются ополченцам, во время боя в лесу они мне очень понравились. Не слишком удобно из окопа стрелять, верно, и из положения лежа, но вот в остальном они хоть куда — и перезарядка быстрая, и точность отличная, и дальность стрельбы, как у любой хорошей винтовки. Годится такое оружие и для степи, и для джунглей.

Байкин подкинул идею насчет закупки таких карабинов через ополченческий арсенал, там хорошая скидка могла выйти, но вот не срослось — получается, придется брать у торговца за свою цену. И неизвестно еще, есть у него столько нужных винтовок или нет. Нет, скорее всего. А вот брать с собой в плавание «ополченческую» винтовку нельзя, правила здесь такие: надо свою иметь.

— Можно на Большом острове заказать, телеграммой, — добавил Байкин. — Нам же все равно туда идти, верно?

— Верно, идти придется, без этого никак.

До вечера оставался на яхте, работы хватало, а на обратном пути все же решил захватить в оружейный самостоятельно. Раз мне платить — мне же и решать. Логика.

Оружейный торговец был на острове всего один, Григорий Дубинин, и магазинчик его расположился в середине Портовой, на полпути к центру городка. Торговал он не только оружием, но и рыболовными снастями, всякими крючками да блеснами, а еще одеждой походной и многим другим, потому что с одной оружейной торговли на нашем острове не прожить, не так уж много здесь людей, а к оружию все относятся бережно, меняют его не так часто. Да и понятия «новая модель» здесь практически не существует.

В лавке у него было светло, окна большие, смотрят на юг, а темнеет в это время года здесь поздно, уже ночью. Интерьер привычный, для этих мест так и вовсе стандартный — мо-

ренное дерево, ручки и светильники из латуни. Сам Григорий не высок, не толст, не лыс... в общем, его проще описать с такими вот «не», чем просто так, на диво неприметная внешность у человека.

Увидев покупателя, то есть меня, он обрадовался, даже из-за прилавка навстречу вышел, протягивая руку.

— Здравствуйте! Чем могу, так сказать?

— И вам здравствовать, — поприветствовал я его. — Поинтересоваться насчет «павловок» хотел.

— Парочка есть, — кивнул тот, обернувшись к прилавку и указав пальцем на пирамиду, — вон стоят.

— Мне больше надо, с десятков хотя бы, для экипажа, — пояснил я.

— Экипаж со своим обычно приходит, — вроде как удивился торговец.

— У нас задачи другие, не торговля, так что судовым имуществом будут.

— В приватиры податься собираетесь? — Он зашел за прилавок и ловко подхватил одну из «павловок».

— В приватиры, — подтвердил я его догадку, потому как секрет из этого делать глупо, да и так все знают, остров-то не такой уж и большой. — В географические экспедиции ходить будем.

— Тогда да, вооружаться надо, — согласился он, протягивая мне винтовку. — Эти две берите, а остальные могу с Большого острова телеграммой заказать, а вот когда придут... — задумался он, глядя на висящий на стене календарь и пытаясь что-то высчитать.

— Их сюда и присылать не надо. — Я приложился к и без того привычной «павловке», прицелился в светильник, переделернул затвор. — Нам все равно на Большой идти придется, там и забрать могу.

— На Большом их и так купить не сложно, — пожал плечами Григорий.

Я положил винтовку на прилавок.

— Не сложно. Но можно и пролететь, верно? А нам бы с гарантией.

— Я закажу. — Он вытащил из-под прилавка длинный брезентовый чехол с кожаными вставками, всунул винтовку в него. — Если точно выкупить обещаете, то и авансов никаких не надо, я с продавцом сам разберусь.

— Обещаю, как же иначе!

Григорий запахнул чехол, затянул ловко ремешки.

— Ну, тогда за эти две с вас семьдесят рублей, а телеграмму сегодня дам, как закроюсь. Годится?

— Годится. А там к кому идти?

— Прямо на выходе из порта есть магазин «Ружье», вот туда и идите. Хозяина Демьяном зовут, скажете, что от меня, ну и остальное изложите.

— Так и сделаю, спасибо, — ответил я, наблюдая за тем, как он пакует вторую винтовку. — Сегодня забирать не буду, нам еще патронов закупить надо. Сейчас оплачу, а завтра с телегой заедем, годится?

— Вполне. Какие калибры?

— С восьми миллиметров начнем, для «павловок». Есть запас?

— Вот это есть, этого много, — обрадовался торговец, направляясь в кладовку.

* * *

Дорога к усадьбе Аглаи была неблизкой, шагом Зорька почти за два часа до нее дошла. На остров постепенно опускались длинные сумерки, к которым я до сих пор привыкнуть не могу. Все тебе подсказывает, что в жарких краях, где растут

апельсины, а ночью страшно зайти в воду из-за подходящих к берегу акул, долгих сумерек не бывает, широты не те, но потом вспоминаешь, что широты как раз те самые и сейчас ты находишься примерно там, где раньше была Рязань. Примерно, может, и ошибаюсь, но не очень.

Дорога вилась среди гор и скал, поднимаясь на плато, и вид с нее на море открывался великолепный, — так вроде и привык уже, но как всмотришься, подчас самому себе не веришь: реальность это или сон какой? Время от времени попадались телеги и тележки, запряженные лошадьми, мулами или просто ослами. Люди, работавшие в виноградниках, которыми тут усеяны все склоны, возвращались домой, к заслуженному отдыху. Разок навстречу попался патруль объездчиков, приглядывавших за берегом. Вроде и тихие тут места, остров в самой середине «христианской территории», но всякое может случиться, так что служба несется бдительно. Объездчики, к слову, знакомыми оказались, вместе в новофакторском походе были, так что поздоровались, поговорили пару минут о мелочах всяких, потом распрощались.

Затем виноградники закончились, а на склонах появилось немало коров местной рыжей породы — пошли пастбища. Раньше я бы и не подумал никогда, что корова может по таким склонам гулять, прямо не буренка, а козел какой горный, — но гуляют, вон пример передо мной. И мясом весь остров снабжают тутошние «ранчеры», и молоком, и из кож тут делают всякое.

Дорога вела мимо ферм, огороженных сложенными из все того же неизменного слоистого камня заборами. С высоты седла можно было разглядеть, что люди сидели на верандах, пахло топящимися плитами и едой, где-то кричали, играя, дети, где-то брехали собаки, в общем — простая и понятная жизнь вокруг.

Усадьба Аглаи, большая, старая, возрастом к двум сотням лет, расположилась на самом краю плато, с видом на море и дальние острова. Высокий забор, крепкие ворота — их мне открыл Тимофей, немолодой негр со следами выведенной татуировки на лице. Вывезенный еще ребенком с острова где-то далеко на юге, попал сразу на Большой Скат, где отрекся, так сказать, от губительных заблуждений и принял крещение, став свободным человеком. Работал он у Аглаи конюхом — она не только ветеринаром была, но еще и конезаводчиком, — ну и жил в усадьбе, в отличие от своего коллеги из «урожденных христиан», Степана, который на ночь уезжал к себе домой, на хуторок в паре километров от берега.

Тимофей же заодно присвоил себе обязанности сторожа, хотя никакой реальной необходимости в этом не было — на Большом Скате даже двери редко запирали. Но ему, похоже, нравилась такая роль, вроде как важности ему прибавляла, поэтому вечером он ходил по двору еще и с обрезанной двустволкой, свисавшей с плеча, заодно распоряжаясь собаками — двумя здоровенными, грозными с виду, но на самом деле ленивыми и добродушными кобелями.

Я в усадьбе был уже за своего, воспринимали меня как жениха, так что Тимофей поприветствовал меня почтительно, помог слезть мне, хромоту, ну и сразу лошадь принял, повел ее в конюшню.

Аглая сидела на террасе, босая, в широких льняных брюках и просторной рубашке с закатанными рукавами, с книгой в руке. На столике рядом стоял кувшин с холодной водой, на тарелке лежал разрезанный на четвертинки лимон.

— Добрался наконец, — заулыбалась она, откладывая книгу и поднимаясь.

Голова ее едва достигала моего подбородка, так что пришлось пригнуться, чтобы поцеловать в губы.

— А где?.. — Я не закончил вопроса, но Аглая поняла меня правильно:

— Спит, перенервничала она, к вечеру носом клевать начала. Посидели, поболтали, и как-то дошло до нее, что детство теперь совсем закончилось, уже официально. Завтра с Евгеном разберемся насчет раздела обязанностей — и все, она теперь каждый день на работе будет. А ей всего пятнадцать. Даже думаю — правильно ли мы поступили?

— Ты насчет того, что мы за ее совершеннолетие выступили? — Отставив трость к стене, я аккуратно опустился в плетеное кресло, с наслаждением вытянув большую ногу.

— Конечно, — кивнула она. — Зря расселся. Пошли, я тебе повязку сменю.

— О-о, — протянул я, поморщившись, — только ведь уселся.

— Потом еще усядешься, пошли в кабинет.

Пришлось вставать, куда денешься. Хорошо, что повела именно в кабинет, где она с бумагами работает, а не в операционную, в которой зверей всяких лечит, а то как-то того... Достала из шкафа металлическую коробку с бинтами и прочим, указала мне на стул напротив:

— Снимай брюки.

— Так почему ты считаешь, что зря мы за нее свидетельствовали? — Расстегнув ремень с кобурой, я положил его на письменный стол, потом расстегнул брючный.

— Потому что свалили на нее взрослую ношу.

— Она дела ведет как взрослая, вполне. — Я сел на стул и вытянул ногу.

— Ну-ка, посмотрим, — тихо сказала Аглая, разрезая узким острым ножом завязки бинта. — Давай сам разматывай. — Она сложила нож и убрала его в ящик стола. — Не взрослая она еще. Недостаточно взрослая, чтобы такой груз на своих плечах тащить.

— А мне кажется, что ей так даже легче будет, — возразил я, продолжая сматывать желтоватый от антисептика марлевый бинт. — Теперь у нее настоящее, реальное дело, от которого зависит много людей, поэтому некогда в депрессии впадать и слишком много думать о том, что случилось. И ты все же рядом, так что не совсем она одна, и я буду, пока здесь.

— Вот с этим «пока здесь» у меня тоже проблема, — вздохнула Аглая. — Ну-ка, глянем... нормально все, — кивнула она, аккуратно ощупывая рану тонкими изящными пальцами. — Скоро можно будет швы снять. На днях.

— А что мне еще остается? Теперь у меня дело есть, а твой кавалер не голодранец, — попытался я свести разговор к неуклюжей шутке. — Да и половина острова так живет.

Аглая быстро смазала шов чем-то остро пахнущим из пузырька с тонким стеклом, отложила тонкую деревянную палочку с намотанной на нее ватой.

— У половины острова жены с мужьями в походы ходят, а я, если ты помнишь, ветеринар, причем только я теперь по вызовам езжу. На Лазаря Каменщикова расчет уже такой... старый он, — сказала она, доставая из коробки рулон свежего бинта. — Вытягивай ногу.

— Ну... не знаю я, честно, что делать. — Первый виток бинта накрыл довольно-таки безобразный шов. — Выбор ведь у меня невелик: или владеть яхтой и ходить в экспедиции — или... я даже не знаю, что тогда «или».

Бинт виток за витком ложился на бедро. Затем треснула разрываемая ткань, Аглая завязала его кончики.

— Все, свободен на сегодня, — сказала она, поднимаясь. — И кстати, я вовсе не настаиваю на том, чтобы ты сидел на берегу. Просто подумай над тем, как поступить, чтобы... — Она не закончила, но я ее понял.

— Подожди минутку, сейчас штаны надену, — сказал я, натягивая джинсы. — А то как-то торжественности достаточной не получается.

— Для чего достаточной? — улыбнувшись, она посмотрела на меня.

— Для важного дела.

Я только ремня с кобурой надевать не стал, оставил на столе. Подошел к Аглае, обнял ее, сказал:

— А давай поженимся, а?

— Давай, — глубоко вздохнула она. — Хоть сейчас. А чем это поможет в нашей проблеме?

— Ну... ты сама сказала, что у других «жены с мужьями в походы ходят». Поженимся, а там, глядишь, что-то еще придумаем. — Я обнял ее крепче.

— Что? — спросила она, адресуясь куда-то мне в подмышку.

— Ну, например, станешь ты судовым ветеринаром. А мы там специально кота заведем, будешь его лечить. Или корову, например. Бортовую. Молоко, навоз там всякий для удобрений, ну и болеть она будет, чтобы ты не скучала.

— Здорово придумал, — хихикнула она.

— А человечьим доктором стать не получится?

— Получится, почему же нет! — пожалала она плечами. — Немного подучиться, потом полгода помощником у Сергеева, местного врача, — и все, можно работать. А что, приглашаешь?

— Я тебя пока под венец приглашаю, — засмеялся я, — а на правах законной жены ты сама все решишь. Так когда свадьба?

— Сам решай когда. — Она слегка оттолкнула меня. — Я все время здесь, это ты куда-то идти собираешься.

— Судно еще недели три в ремонте будет, можно успеть, — прикинул я. — И вообще я не слышал официального и однозначного ответа: ты готова стать моей женой?

— Готова, готова, я тебе даже в гостевой стелить сегодня не буду, к себе пушу. Пошли на террасу, глянь там, какой закат. И ты что, за три недели рассчитываешь всех гостей собрать?

* * *

Вот так все и решилось. Или я решился наконец. Не хватило терпению старомодно ухаживать целый год или два, ну да, может, и к лучшему. Согласилась же, чего еще надо?

Утром проснулся — глазам своим не поверил: восходящее солнце через частые жалюзи ее осветило, спящую на животе, одеяло откинута с сильной спины. Поцеловал меж лопаток, потом, чуть отодвинув одеяло, в ложбинку у копчика, уже из чистого хулиганства, ну и встал по-тихому: мне еще до города ехать чуть не два часа, а там дел невпроворот. Умылся, оделся, но на террасе налетел на Валентину, накрывавшую завтрак на одного.

— Да ладно, я бы в городе позавтракал! — замахал я руками, чувствуя неловкость из-за того, что кто-то встал по моей вине в такую рань.

— Вот шальной, я всегда с рассветом встаю, — отмахнулась она. — Садись, ешь. Мне Аглаюшка вчера сказала все, поздравляю. Только свадьба в такой спешке — дурное дело, все гости собраться даже не успеют. Кто в плавании, кому скоро уходить, кто-то обиженным останется, — говорила она, быстро расставляя по столу тарелки, баночки с вареньем, маленький чайник, кружку. — Не суетись, не сбежит она от тебя, на декабрь назначайте, на сезон штормов, чтобы как у всех.

— Как у всех — пусть как у всех, но я уже до плавания пообещал устроить, — немного посокрушался я.

Ну да, все понятно, раньше в деревнях все свадьбы осенью гуляли, когда урожай собран, а зима еще не началась, ну и здесь должны «в несезон», мог бы и сам сообразить.

— Это ты по дури, — без всякой деликатности махнула рукой Валентина. — Аглая поймет, да и преподобный отговаривать наверняка будет. Сегодня вернешься — тогда и обсуди.

Завтракать на рассвете на этой террасе особенно хорошо. С моря легкий бриз, красное солнце по всей поверхности малиновыми искрами разбегается. Чай Валентина заваривает так, как у меня самого не получается, выходит он душистым и вкусным, а гренки хрустят на зубах — аж в ушах отдается.

Тимофей вывел мне Зорьку, уже оседланную, подстраховал, пока я со своей ногой в седло карабкался. Ворот за мной закрывать уже не стал — день настал. По дороге встретил Василия с двуколкой, он ехал Веру забирать. Поздоровались и разъехались. И вообще оживленно стало, потому что фермеры здесь с петухами встают и сразу на работы разъезжаются.

Пару раз пускал Зорьку рысью, но надолго меня не хватало, переходили опять на шаг. Быстрее бы зажило, что ли, ни пройти нормально, ни проехать. Аглая двуколку предлагала — так, может, согласиться? Или даже нанять кого «водителем», благо финансы позволяют. А что, не лишено смысла вообще-то. Надо подумать.

В городе тоже было оживленно, мамыши младших детей в местную школу вели, развозчики из лавок катили на тележках, в которые были запряжены все больше меланхоличного вида ослики, от дома к дому, развозя заказы, открывались лавки. Дневная жара не опустилась еще на город, поэтому многие стремились переделать все свои дела на улице прямо сейчас.

В порту было оживленно, люди расходились по своим местам, видна была суета на палубах пришедших из других краев судов, везде шла утренняя приборка. В общем, жизнь своим чередом двигалась.

Собирался я идти говорить с Игнатием, да никуда идти не пришлось: он меня у коновязи встретил, повод подержал, пока я с лошади слезал, стараясь лишний раз ногу не напрячь.

— Как дела, Игнатий? — спросил я, пожав ему руку.

— Да нормально дела, только разговор к тебе имеется от всего экипажа.

— На «Аглаю» перейти хотите? — перешел я сразу к главному, надеясь, что угадал.

Игнатий смутился немного.

— А что, уже все знают? Так мы только промеж собой пока говорили.

— Нет, просто догадался, — успокоил я его. — Посидим? — показал я тростью на «курилку» — несколько скамеек и столов под тростниковым навесом, где обычно собирались на обед те, кто носил этот самый обед с собой.

— Ага, посидим, — с готовностью согласился Игнатий. — Так вот, поговорили мы промеж собой. Работал я на Павла и на дочь его, понятное дело. Остальной экипаж новый... ну да что я рассказывать тебе буду, сам все знаешь. Нет у них перед Евгеном обязанностей, никакого договора, так? Вот и послали меня к тебе делегатом, значит, узнать — хочешь ты весь экипаж на «Аглаю» нанять или нет?

— Ну а ты как думаешь? — спросил я, усаживаясь и вытягивая ногу.

— Да думаю, что не отказался бы, так? Если начистоту, — тут Игнатий ухмыльнулся до ушей, — то в морском деле ты ни уха ни рыла, верно?

— Верно, именно так и есть. Так о чем ты сейчас договориться хочешь?

— Значит, получается так, — он снял шляпу и почесал в затылке, — что я для тебя этот экипаж нанять не могу. Потому как представляю сейчас не тебя, а их. Так?

— Ну, — поощрил я его к продолжению. — Давай дальше.

— Тогда тебе надо договариваться вроде как со мной, но я это делать один тоже не хочу. — Тут он еще и бороду огладил. — А потому предлагаю тебе сразу со всеми повидаться и со всеми разом поговорить.

— Где и когда? — потребовал я подробностей.

— А вот хоть сегодня, после шестого колокола. Сможешь? — Заметив, что я продолжаю вопросительно смотреть на него, Игнатий спохватился и уточнил: — В «Винной бочке», там у нас принято и договоры подписывать, и отмечать подписание.

— Игнатий, ты раз про наем заговорил, то меньше бы «отмечание» поминал. — Я поднялся, опираясь на палку. — Забыл, как мы с тобой познакомились?

— За это не беспокойся, ничего лишнего себе не позволю, — сказал он преувеличенно решительно и даже рукой махнул для пущей убедительности.

— Ну да, ну да, ни капли в рот, ни сантиметра... не шибко важно, в общем, — не закончил я фразы. — С понедельника новая жизнь, — сказал я еще тише, и чуть туговатый на ухо Игнатий ничего не услышал.

Ну вот, все как и рассчитывал! Надо бы перекреститься, да пока не привыкну к этому. Теперь у меня экипаж есть, и к тому же свой, знакомый. Ничего страшного, встречу, поговорю, думаю, что и договорюсь. Так что дело остается только за «бойцами», окончанием ремонта и... и свадьбой, пожалуй. А если точнее, то надо как-то разрулить ту ситуацию, что я вчера сдуру и по незнанию местных реалий накреативил. Ладно, мы с Аглаей все равно в полдень увидимся, вот у нее и поинтересуюсь, как вообще лучше все сделать.

На яхте пахло краской, Иван-моторист взялся за малярные работы, предпочитая экономить на услугах верфи. Не мудрствуя лукаво, я тоже вооружился поддоном с белилами, валиком и присоединился к нему: экономить так экономить.

* * *

— На «Крачку» мне придется искать приказчика, самому на два стула не сесть. — Евген, раскрыв перед собой большой блокнот, излагал свое видение будущего Веры, а заодно и семейного дела. — Тебе же, Вера, оставляю все складское хозяйство, расчеты и торговлю с другими домами. Считай, что половина дела у тебя.

Евген не врал, тут все по-честному. Торговля у дома Светловых не только на своих судах, на складах куда больше всякого товара, чем возят «Чайка» с «Крачкой». Иной товар лежит до сезона, ждет, когда цена подскочит, иной просто под заказ — по-всякому бывает. И если он все это дело собирается Вере поручить, значит это лишь то, что воспринимает он племянницу всерьез.

Сама же Вера с начала разговора ни слова не сказала, но слушала внимательно. Причем «конструктивно слушала», то есть в своей тетради пометки делала, что-то записывала в календаре, работала, в общем. Мы с Аглаей в разговор не лезли, сидели скорее для мебели и общей моральной поддержки. Кроме нас за столом был еще высокий молодой мужик с круглой бородкой, как у меня, который был у Евгена вроде как за первого помощника.

Собрались в конторе, в небольшом каменном домике за складскими пакугазами. За окном шумел порт, с моего места мне было видно, как ставят кран над грузовым люком пузатого шлюпа с ярко-зелеными бортами и надписью «Толстяк» на корме. А что, вполне соответствует названию.

Комната была небольшой, полутемной, каменные стены покрыты белой штукатуркой, на них висели какие-то графики, таблицы — рабочее место, в общем. Евген неторопливо налил себе из кувшина воды, жестом предложил нам. Все отказались, кроме меня. Вода была холодной, только из скважины, такой, что зубы схватывало.

— Еще хочу представительство в Новой Фактории открыть, — продолжил он, перелистнув страницу в блокноте. — С братом мы это обсуждал и как раз перед... перед последним рейсом. Павел договор подписал с торговцами розовым деревом, обязался платить вперед — они скидку дали хорошую. Надо это дело не бросить, а наладить. И это, Вера, ты сделаешь. Понятно?

— Сделаю! — оживилась девочка. — Отчего не сделать.

Евген едва заметно усмехнулся. Такое дело и обычный приказчик наладить бы мог, но Вера рвалась в плавание, не хотела на Большом Скате безвылазно сидеть, и дядя тем самым дал ей возможность хотя бы немного путешествовать. А маршрут до Новой Фактории пусть и не идеально безопасный, но куда спокойней походов на негритянские острова, например.

— Вот и будешь работать и здесь, и там. А пока здесь начинай дела принимать у Дениса, — Евген кивнул в сторону своего помощника, — а он переходит теперь на «Крачку», в рейсы пойдет. С ним уже сама договаривайся, как и когда работать будете, но сроку тебе всего неделя, ему тоже надо на новом месте освоиться успеть. Договорились?

— Договорились!

— Комнату с Денисом поделишь пополам.

До недавнего времени ту комнату, что прямо здесь, за стенкой, с Денисом делил сам Евген, а теперь он принимал нас там, где раньше сидел Павел.

— Теперь еще вот что. — Евген повернулся ко мне, пригладив бороду. — Ты же на Большой остров собираешься, так?

— Собираюсь, как только яхта из ремонта выйдет, — кивнул я. — За приватирским патентом и прочим всем.

— Потом сюда зайдешь?

— Зайду обязательно.

Вообще-то задачи мне еще никто не ставил, и может оказаться так, что на Большой Скат мне заходить незачем, но... здесь Аглая, так что не зайти не смогу.

— Пусть Вера с тобой сходит, хорошо? Там заказ сделать надо и товар отобрать, а заберем его позже... может, даже не сами, там видно будет.

— Только рад помочь, — сказал я вполне искренне. — Я там все равно задержусь на сколько-то, будут носовую пушку монтировать, так что время найдется.

— Я знаю, на это и рассчитывал, — сказал он, закрывая блокнот. — Сестрица моя двоюродная, — обратился Евгений к Аглае, сделав в слове «двоюродная» ударение на втором «О», — согласна ли ты с тем, как я все решил?

— Согласна, чего уж теперь, — засмеялась она. — Если бы не согласна была, то давно бы уже в бороду тебе вцепилась.

Разрулил Евгений ситуацию, разрулил, надо отдать ему должное. Все вроде как счастливы, разве что сам Евгений не знает о том, что весь экипаж «Чайки» вознамерился его покинуть. Интересно, это большая проблема здесь или не очень? По моим прикидкам — не так чтобы маленькая, но могу и ошибаться, я тут человек новый.

Из конторы вышли только мы с Аглаей, все остальные, включая Веру, там и остались. Аглая же, сопровождаемая мной, неторопливо направилась к коновязи.

— Поедим? — предложил я ей. — Нет же у тебя ничего срочного сейчас?

— Если только в «Золотой бухте», — улыбнулась она. — Нам есть что отметить, как думаешь?

— Есть, — с готовностью закивал я. — Но у меня как раз на сей счет к тебе вопросы.

— Уже передумал? — удивленно вскинула она тонкие брови. — Быстро ты.

— Мне Валентина на вид поставила сегодня с утра, — взялся я оправдываться. — Говорит, что я со свадьбой все неправильно придумал.

— Неправильно, никто и не спорит. — Аглая отвязала свою гнедую кобылу от коновязи, перекинув повод ей через голову. — Свадьбы здесь в сезон штормов гуляют.

— А нам как делать? — совсем растерялся я.

— Ты предложил — ты и решай, — вновь улыбнулась она и легко закинула себя в седло. — Так ты едешь или мне одной обедать?

— Еду, еду, — совсем растерялся я и похромал к Зорьке.

Лошади шагом, бок о бок, вышли за ворота порта, пропустив огромные дроги, с горой заваленные какими-то мешками и влекомые двумя сонными волами, тянувшими их вроде даже не замечая тяжести. Две горы черной плоти промаршировали мимо, глухо топя широченными копытами и громко сопя, причем тот вол, что был ближе ко мне, уронил огромную лепешку навоза, от которой сразу разбежалась волна запаха. Вот к этому я пока до сих пор не привык — к пахучести гужевого транспорта. Ну да ладно, зато будем считать запах экологически чистым, возобновляемым ресурсом и вообще не вредящим окружающей среде. Как-то так.

Полдень здесь — это жара, настоящая, наваливается сразу, как на солнце выйдешь. Кто в поле работает, тот все дела свои сворачивает часов до пяти вечера, а вот у «горожан», как бы ни была зыбка грань между этими слоями населения на Большом Скате, так не принято, у них только на обед перерыв положен. Но и работу обычно раньше заканчивают, часов в шесть, если не лавочки и не кабатчики.

Кабачок «Золотая бухта», к которому мы подъехали через несколько минут, как раз только открывался. Две шустрые негритянки бегали по террасе, одна протирала тряпкой столы, а вторая раскладывала плетеные салфетки по ним и рас-

ставляла бронзовые подставки с бутылочками уксуса, масла, солонкой и перечницей.

— Не рано мы? — спросил я, не слезая пока с седла, чтобы потом обратно карабкаться не пришлось.

— Заходите, кухня уже работает, — сказал невысокий толстяк в белом переднике, появившийся в дверях. — Садитесь где удобно. Аглая, рад вас видеть, — чуть не в поклоне поприветствовал он мою спутницу, — Алексей, — протянул он руку мне.

— И вам здравствовать, Константин, — столь же церемонно поприветствовал я его.

Вроде без году неделя здесь, а уже чуть не половину города знаю. А в «Золотую бухту» мы с Аглаей не в первый раз вместе заходим — все же самое лучшее место на всем острове считается, готовят здесь вкусно. Собственно говоря, сам Константин и готовит, там еще один негр помогает, про которого шутят, что он так на кухне и живет, никуда не уходит — настолько тучен.

Сели за угловой столик на террасе, так чтобы в тени и заодно можно было во все стороны смотреть, кто куда пошел да что понес. Одна из негритянок, с вытатуированной волнистой полосой поперек лба и рыбками на обеих щеках, поставила перед нами кувшин холодной воды и уже затем поинтересовалась заказом. Записывать она ничего не записывала — не умела, скорее всего, — но запомнила и ничего не перепутала. Вскоре на столе появился морской салат под оливковым маслом и винным уксусом, который я взялся раскладывать по тарелкам большой деревянной ложкой.

— Ладно, не молчи, рассказывай, как ты намерен разрушить наше недолгое счастье, — сказала Аглая, посмотрев на солнце через стакан воды с выдавленной в него четвертинкой лимона.

— А чего сразу я? — изобразил я оскорбленную невинность, прожевав огромный креветочный хвост, выловленный

из салата. — Я тут человек новый, мне глупости делать по должности разрешается.

— Ну, первую ты сделал, предложил мне за тебя замуж, — согласилась она. — Я сделала вторую, когда согласилась. Но если ты не намерен все отменить, то остается решить — когда свадьба. Или я чего-то не поняла?

Понятно, издевается. Причем «с наступательных позиций», вынуждая чувствовать себя дураком.

— Тогда до окончания ремонта яхты надо успеть, — сказал я решительно. — Сейчас доедим — и побегу к преподобному, день и время свадьбы назначать.

— Так половина гостей на свадьбу не попадет, просто не сможет и не успеет.

— А я все равно мало с кем знаком, все гости с твоей стороны, — отмахнулся я небрежно. — Мои все здесь, никуда не денутся. Кто у меня в гостях? Вера да команда, больше я никого толком и не знаю.

Аглая минутку подумала, потом кивнула:

— Ладно, выкрутился. На декабрь надо планировать, а вот начинать приглашать уже сейчас. Так что к преподобному все равно надо идти, с этим ты не ошибся. Хотя бы для того, чтобы на удачный день назначить: в декабре ведь свадьбы у всех будут, так что где-то и боками толкаться придется.

— Ну, видишь, какая ты у меня умная, — восхитился я. — Сама все и решила.

— Я вообще о другом, — вздохнула она. — Ты слово «помолвка» слышал когда-нибудь? А если слышал, то знаешь, что оно означает?

* * *

«Винной бочкой» назывался просторный кабак у самого порта, занявший здание, которое явно планировалось как блокгауз, защищающий подступы к гавани, — длинное, полу-

темное, с узкими окнами-бойницами и каменными стенами, которые так никто и не озаботился покрыть штукатуркой. Место было мужским, дамы сюда не заходили, даже из негритянского квартала. Большой частью клиентела состояла из морячков с тех судов, что пришли с других островов. Они выходили из порта, принимали на грудь сколько надо — и уже затем шли дальше, в поисках добавки или каких иных приключений.

Заходили сюда и местные, после работы, но чаще ненадолго, потому что даже те, кто в питье себе не отказывал, любили заканчивать вечер в городе — потом домой добираться проще. Но при этом «Винная бочка» выполняла функции матросской биржи. Ее хозяин, Семен Рыбаков, более известный в городе под прозвищем Пузан, владевший заодно и примыкающей гостиницей, знал наперечет всех свободных морячков, ищущих найма, кто что умеет и чего не умеет, с готовностью брался посредничать в найме, на чем тоже неплохо зарабатывал.

Относительно недавно судьба свела меня с Семеном, потому как до моего появления он добивался расположения Аглаи, излишне настойчиво, на мой взгляд, но в целом безуспешно. Апофеозом его жениховства была попытка побить меня в компании то ли друзей, то ли помощников, закончившаяся полным фиаско. С тех пор мы пару раз виделись в городе, я с Семеном вежливо здоровался, но он почему-то багровел, сопел и отворачивался. Но сейчас услуги Семена никому не требовались, так что вспомнил я о нем исключительно по ассоциации.

А вот тот самый хлопчик, что тогда выманивал меня с танцулек, сидел в зале, в дальнем от меня углу, и пил пиво из высокой кружки, болтая с каким-то грузным дядькой с соломенной бородой. Словно подражая своему нанимателю, или кем там ему приходился Семен, хлопчик сделал вид, что меня

не узнал. А нос, кстати, у него с тех пор кривоват весьма — сильно я ему приложил. Ну и ладно, не жалко, впредь наука.

Пришли мы вдвоем с Иваном — мне все же опытный советчик нужен. Весь экипаж «Чайки» собрался за большим столом у самого входа в кабак, под большим штурвальным колесом, висящим на стене. Со мной поздоровались, но по делу никто не говорил ни слова, и вообще говорить начали после того, как кабатчик — суетной блондинистый парень лет двадцати, в красной рубашке — притащил и расставил кому сидр, а кому пиво. Потом Игнатий солидно приложился к своей кружке, отер бороду и лишь затем заговорил:

— Алексей, ты вот нам всем скажи: тебе на яхту экипаж нужен?

— Нужен, — подтвердил я.

Экипаж переглянулся, молча покуда.

— Мы вот готовы в новый наем пойти, — сказал Игнатий, откинувшись и сложив руки на животе, — но всем экипажем, от первого до последнего человека, значит. Согласен?

— Согласен, — кивнул я тоже максимально солидно.

— Тогда по жалованью, — перешел он к главному. — Поскольку судно у тебя экспедиционное, а значит, без проблем нам не обойтись, плати от ставки, какая на «Чайке» была, в полтора раза, значит. Как?

Про это я знал, мне еще Иван-моторист разъяснил несколько дней назад. Работа на приватирах и вправду суматошной и опасней, да и походы дольше, так что моряки просят за свою службу больше. По факту то, что сейчас происходило, представляло собой скорее некий ритуал, нежели переговоры, потому что и зарплату, и условия — все было сторонам известно. Требовалось только все это вслух произнести и вслух же подтвердить, а потом на бумагу переписать.

— Традицию знаю, буду платить, — ответил я.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул Иван. — А теперь, значит, такой момент: мы от Евгена уходим без того, чтобы его загодя упредить. Почему так вышло — сам знаешь, ничьей вины тут нет. Но последнего жалованья и отпускных он нам не выплатит.

Я молча кивнул, поощряя его к продолжению. Этот момент был самым туманным из всего и какими-то традициями не покрывайся. Евгений был в своем праве, потому что получал проблемы на ровном месте именно тогда, когда надо было судно в рейс отправлять. Экипажу же наверняка захочется обойтись без всяких потерь, так сказать, и рыбку съесть, и на елку влезть, и при этом не оцарапаться. А вот тут уже надо искать баланс интересов. Переманить я их был рад, разумеется, да только не я первый с этим пришел, а они, польстившись заодно и на полуторный оклад.

— Надо бы нам такое дело компенсировать, значит, — довольно быстро перешел к сути Игнатий.

Иван чуть слышно хмыкнул и вроде как с удивлением бровь поднял, но ничего не сказал: переговоры я веду.

— В каком объеме? — уточнил я.

— Ну сам посуди, у нас жалованье и отпускные пропадают, — сказал Игнатий, а все остальные часто и оживленно закивали. — Вот их бы и покрыть.

«Отпускными» здесь называли не пособие на оплаченный отпуск, тут такого не водилось, а одно дополнительное жалованье, которое наниматель обычно выплачивал морякам, если расставались без скандала и если моряк на нанимателя достаточно проработал. А вот тут и была натяжка: проработал на Евгена достаточно долго только Игнатий из всего экипажа, остальных наняли совсем недавно в порту Новой Фактории, и расставались они не то чтобы совсем по-хорошему. И как бы предлагать мне оплатить их проблемы не совсем

корректно. Но и посылать их с такой идеей не следует, потому что нам еще вместе жить... однако на шею садиться не дам.

— Дам подъемные, в одно месячное жалованье. Все. И даже торговаться не буду, — сказал я и словно запечатал сам себе уста, приложившись к кружке.

Игнатий явно рассчитывал стрясти все, потому что ничего не сказал, засопел, потом обернулся к экипажу. Те вдохновенными не выглядели и смотрели на меня в явном ожидании того, что я сменю точку зрения. Но я не сменил, а лишь поставил кружку на стол и обвел всех дружелюбным взглядом.

— Можете не соглашаться, но других условий не будет, — вынужден я был все же дополнительно разъяснить позицию после несколько затянувшейся молчанки.

Экипаж начал переглядываться, Игнатий продолжал сопеть, но потом путем жестов и перемигиваний, не произнеся ни единого слова, они все же достигли консенсуса. Шкипер поскреб в бороде, повздыхал, глотнул пивка и сказал:

— Ну ладно, согласны мы так. Как яхта с ремонта выйдет, так мы к тебе и перейдем. А пока Евгению скажем, чтобы другой экипаж искал.

И на сем протянул мне руку.

Я руку пожал и сделал знак кабатчику в красной рубашке — мол, «тащи на всех». Уже можно, состоялось все.

* * *

Помолвку решили отмечать в усадьбе Аглаи через две недели. Обычно это в доме родителей невесты делают, но Аглая — вдова, и правила немного другие. Навестил и преподобного Савву, назначил день свадьбы на вторую субботу декабря, успел почти раньше всех.

— Только поздравить и могу, — сказал преподобный, записывая наши имена в толстую книгу в обложке из акульей

кожи. — Повезло. Может, даже обоим. — Мне показалось, что это уже было сказано с некоторым сомнением, но не поручусь. — День и время не забудете? Или записать на бумажке? — предложил он дополнительный сервис, но я пообещал не забыть и не проспать.

Чем дальше, тем больше дни наполнялись суетой. Ремонт яхты заканчивался, ее вот-вот должны были перетащить на законное место у восьмого пирса, которое отныне будет для нее постоянным. И сама яхта получила порт приписки.

Байкин бойцов набрал. Взял двух братьев Рыбиных, Луку и Серафима, невысоких, коренастых, но только этим и похожих друг на друга: один был белобрыс и конопат, а второй черняв и смугл. В ополчении входили они в разведзвод и, со слов Байкина, пользовались репутацией хороших стрелков и вообще смелых ребят. Затем привел рослого и даже пузатого мужика, лет так слегка за тридцать, представил Леонтием и рекомендовал как редкого умения гранатометчика. На веру не принял, повел проверять на ополченческое стрельбище, где осознал, что был не прав, — здоровяк мало того что забрасывал гранаты с двух сотен шагов в окно из гранатомета, так еще и ручные метал на удивление далеко и метко, прямо человек-бомбомет какой-то.

Последним оказался некто Фрол, невысокий, сухощавый, да еще и родом не с Большого Ската, а из Новой Фактории. Фролу было за сорок, был он седоват, волосы брил почти наголо, носил короткую бородку. Ростом не больше ста семидесяти, сухой и жилистый,двигающийся совершенно бесшумно, был он следопытом и, со слов Байкина, мог отследить муравья в джунглях, причем даже через неделю после того, как тот свой след оставил.

В Новой Фактории Фрол был и охотником, и объездчиком, и просто охотником за головами, выслеживая тех злодеев, которых местный суд в розыск объявлял. На Большой

Скат он переехал года три назад, нанявшись в команду приватера «Злобный», а примерно год назад списался на берег, устроившись инструктором по стрельбе при ополчении, ну и для всех желающих.

Еще у Фрола была интересная винтовка — на ложе из какого-то почти черного дерева, с массивным матовым стволом, с сошками и с диоптром на секторном прицеле. Из нее он на удивление точно стрелял на пятьсот метров — самую большую дистанцию, что была на стрельбище. Иной бы так и с оптикой не смог, а тут — пожалуйста.

Но больше привлек мое внимание винтовочный ремень — я с такими до сих пор не сталкивался: кожаный, рыжий, состоящий из нескольких отдельных частей, с рядами двойных отверстий и двойными же крючками, причем части соединены друг с другом как-то загадочно, явно со смыслом, но больно сложно. Смотрел, смотрел, но так и не угадал, что там и как. Фрол и разъяснил:

— Так тут все просто, смотри. — Он всунул левую руку в петлю, образованную в середине ремня, она скользнула ему на плечо. — И вот так берешь!

Ремень натянулся между плечом и цевьем винтовки, вдруг легко взяв ее враспор. Затем рука чуть согнулась, петля соскочила, винтовка переместилась на плечо следопыту как на обычном ремне.

— Вот как! — восхитился я. — Где купить можно?

— Михаила-сапожника знаешь? У него лавка на Западной.

— Нет, не знаком.

— Вот как от церкви на Западную выйдешь — справа второй дом, — взялся объяснять Фрол. — Он такие ремни и делает, два рубля цена будет. Бери, не пожалеешь.

— Возьму обязательно, — уверенно ответил я, сразу поняв, что такой будет лучше стандартного. Тот тоже можно утянуть так, что локоть при стрельбе будет упираться, но такой

четкости не будет все равно. И утягивать этот не надо, носи как удобно носить, никаких помех.

Получив команду бойцов, почувствовал себя уже полностью в своей тарелке. Начали ежедневно выбираться на стрельбище и просто в пустое место неподалеку от порта, где занялись боевым слаживанием. Двигались, хоть я пока и с трудом, наступали, отступали, прикрывая друг друга, много стреляли — денег на патроны я не жалел. После первых двух выходов бойцы начали на меня поглядывать с неким подобием уважения, вроде как согласились с тем, что в этом я что-то понимаю.

Ремень я купил, как Фрол и советовал, а заодно съемную насадку с диоптром на прицел «павловки». Для быстрой перестрелки это не очень, а вот если вдаль стрелять, то весьма помогает. С Фролом в меткости не сравнялся, но приблизился.

В общем, как-то отряд уже складывался, пусть маленький, шесть человек всего, но вполне толковый. Две пары стрелков плюс пара «огневой поддержки», гранатометчик и снайпер.

Привезли одежду, что по моему заказу пошили, для дела. Каждому по комплекту черной, для ночи, и серо-зеленой, для леса и всяких зарослей. Не камуфляж, но все лучше местной манеры воевать в эдаком «ковбойском» прикиде.

И не на войну я народ тренирую, а на специальные операции, то есть надо действовать тихо и незаметно. Когда люди еще и маски увидели, так поначалу рогом уперлись — мол, не наденут, честный боец маски не носит. Убеждать пришлось долго и утомительно, рассказывая о том, что можем мы оказаться на деле где-то там, где нам надо, и по улице пройти без опаски, и одновременно где-то пострелять. Как-то дошло, убедил, хоть авторитета в их глазах мне это не прибавило, кажется.

Но, в общем, сам решил нашу новую униформу не светить особо, только для совсем уж тихих операций.

Вскоре Аглая сняла мне швы, нога постепенно приходила в норму. Когда смог скакать рысью, начал тренироваться в кавалерийском деле. Пусть мы все больше морем, но мало ли! Флигель у тети Насти так и числился за мной, но перебрался я на жительство к Аглае. Такие вольности с барышнями здесь не приняты, но за барышень родители в ответе, а Аглая совсем в другом положении, она и взрослая, и вес в обществе имеет, так что общественное мнение ее не обязывало на него оглядываться, особенно учитывая, что день помолвки был известен и на нее приглашено немало людей. В общем, нарушением приличий по местным понятиям это не являлось.

День шел за днем, экипаж перебрался ко мне с «Чайки», разозлив Евгена, а яхту перетащили на свое место, где шла последняя покраска и окончательное наведение блеска. Там я отчаянно тренировал Федьку управляться с пушкой. К радости моей, гранатометчик Леонтий оказался еще и неплохим канониром, так что на время похода вопрос о том, кто будет управляться со вторым орудием, был снят. А заодно взялся обучать братьев Рыбиных артиллерийскому делу, потому что при двух пушках суеты будет куда больше, чем раньше, люди нужны.

Фрол же оказался чрезвычайно хорош с крепостным ружьем. Положив его на фальшборт и зацепив тяжелым крюком, он попадал двадцатимиллиметровой пулей в цель так же метко, как и из своей винтовки. А вот второго стрелка, на второе ружье, я пока так и не подобрал, что-то не находилось талантов, на которых такие дорогие патроны переводить не жалко. Да и не каждого из экипажа к этому приставишь — во время боя у всех обязанности.

Потом была помолвка, на которой я вручил Аглае медальон с рубиновым сердцем, который купил у ювелира Василия Митрофанова неделю назад, — традиционный подарок по

тутошним традициям. Рубин был, разумеется, опцией, а вот форма сердечка строго обязательна, как бы намек на то, что сердце ее кем-то уже занято. Гостей было двадцать человек, в основном родственники, на помолвках большие пирушки закатывать не принято, не свадьба все же. Была Вера, был Евгений со всей семьей, не упустивший возможности попенять за ушедший экипаж, с моей стороны были Байкин, Игнатий да Иван-моторист. Посидели за длинным столом на террасе, поели, попили, поговорили, потом нас все поздравили, пообещали прийти на свадьбу да и разъехались.

А мы с Аглаей остались сидеть на террасе, глядя на море и заходящее солнце.

— Ну вот, ты уже и не свободен, — сказала она. — Не жалеешь?

— Тут у нас паритет, твоя свобода тоже сократилась, так что не обидно.

— Обними, — придвинулась она ко мне. — И это вся мотивация?

— Не вся, но если изложу всю, то ты возгордишься окончательно.

— Мне можно, я дама, — чуть толкнула она меня локтем в бок и перевела разговор на другое: — Когда выходить собираешься?

— Дня через два.

— Ты же сначала на Большой и обратно, так?

— Все верно.

— Тогда я с тобой. Мне надо лекарствами и прочим закупиться.

— Можно же заказать, — немного удивился я.

— А ты не хочешь, чтобы я с тобой скаталась? — чуть отстранившись, спросила она, изобразив недовольство.

— Нет, я только рад, просто... ну, ты как-то не планировала...

— Не планировала, но решила развестись, — вновь прижалась ко мне Аглая. — Хочется в большой город выбраться, погулять, по лавкам пройтись. Тем более что у тебя теперь кровать в каюте двуспальная.

Койку, верно, переделали из условно двуспальной в несомненно двуспальную кровать. Супружескую постель, так сказать. По требованию Аглаи, кстати. Совместные походы у нас в планах числились, просто сейчас она вроде не собиралась, а вдруг... Впрочем, мне только лучше, поход предполагается спокойным и мирным, так почему бы его еще и так не скрасить?

— Тогда будь готова, Серега Тощий завтра уже провизию завозить начнет.

— А чего мне готовиться? Только сумку собрать. Кстати, ты что-то приличное надеть с собой возьми, сходим там куда-нибудь, в театр например.

В театр. Ну да. А я и не знал, что здесь театры есть. Хотя почему бы им и не быть? А вот как-то не додумывался. Я вообще до многого не додумываюсь, надо сказать, все как-то не так воспринимаю действительность вокруг — то слишком упрощенно, то, наоборот, жду от нее соответствия стандартам моих времен. То кажется, что в прошлом живу, то в настоящем, так и не усвоив до конца, что это далекое будущее. Вот мелочь это вроде, театр этот самый, но ведь то, что он есть, я прямо как откровение воспринял.

— В театр — это хорошо.

— И просто по городу вечером погуляем?

— Обязательно.

— Скучновато у нас на острове все же, — сказала она задумчиво. — Я когда-то думала в Благовещенск переехать, или в Новую Факторию, или даже в Дальний, но все не получалось.

Дальним звали большой, не меньше той же Новой Фактории, город на западе «христианской территории», располо-

женный на одноименном острове, сплошь покрытом плантациями каучукового дерева, насколько я помнил из книг и рассказов.

— А сейчас как, переехать хочешь?

— Не знаю. Лошадей придется распродать, их жалко. И усадьба... А с другой стороны, усадьба стояла и стоять будет, а я потом постарею и никуда не перееду. А ты как? — заглянула она мне в глаза.

— Даже не знаю, — пожал я плечами. — Сама понимаешь, что надоесть мне здесь мало что успело. С другой стороны, мне та же Новая Фактория понравилась, там действительно город, и людей больше, вроде как жизнь кипит. И переехать мне, наверное, проблемой бы не было, все мое имущество по морю ходить умеет, и в нем даже жить можно... — Прервав мысль, я сказал: — Давай пока не загадывать. Узнаю, что за работа мне предстоит, свадьбу отыграем, новый сезон начнем, и все ясно будет. Не к спеху же?

— Ну, как сказать, — протянула она. — Если до следующего сезона будем думать — то не к спеху. А если дольше, то я сказала бы, что к спеху.

* * *

Последние два дня перед выходом были просто на редкость суетными. Выяснилось, что я одно забыл, другое, а про третье и не знал вовсе, у всех были какие-то проблемы, но вроде как-то разруливалось все. И когда рано утром Тимофей на бричке доставил нас с Аглаей в порт, а там у схода бричку встретил Игнатий, ночевавший на борту, у меня прямо от души отлегло.

Яхта, длинная, остроносая, сверкающая, с синими бортами и белыми надстройками, еще слегка пахнущая стружкой, олифой и краской, стояла у причала, и мелкая портовая вол-

на ласково билась в ее крутой борт. Как-то даже не верил в то, что это правда, до сегодняшнего утра, в то, что мы сейчас вот так отчалим — и пойдем, причем пойдем туда, куда я скажу.

Команда — и экипаж, и бойцы — подтягивалась дружно, с рюкзаками и сундучками, с винтовками и ружьями в чехлах. Здоровались, хлопали друг друга по плечам, расходились по каютам, оставляя там свое добро, и опять выходили на палубу, оживленные — видать, волнение не только у меня. Ну да, вроде как новый этап в жизни у всех — у кого в большей степени, у кого в меньшей, но... все же.

Сзади уже негромко и басовито попыхивал стирлинг, Иван приступил к работе, готовя яхту к выходу из порта.

Подъехала Вера в своей двуколке, спрыгнула, попрощавшись с Василием, поднялась на борт, поцеловалась с Аглаей.

— Занимай гостевую каюту, это которая сразу за моей, — сказал я, обняв ее.

Девочка кивнула и сбежала по трапу вниз. Я услышал, как щелкнул замок в двери.

— Сейчас от капитана рейда придут — и отчалим, — сказал Игнатий, перебирающий карты в рубке.

Кок Сергей успел заняться делом, поднялся из камбуза с кофейником и чашками, быстро расставил все по столу в кают-компани. За столом я не усидел, налил себе чашку и вышел с ней на палубу. Странно, вроде ведь знаю, что яхта эта по морю вообще лихо ходила, сам от нее убежал, а сейчас ее еще и отремонтировали, так нет, все равно мандраж какой-то. С чего вдруг?

От капитана рейда пришли, записали груз, время выхода и состав экипажа, дали расписаться в книге мне и Игнатию, потом пожелали попутного ветра и доброго пути. На палубе началась суета, канаты соскользнули с причальных тумб, звук двигателя изменился, острый нос яхты с выставленным

далеко вперед бушпритом начал отодвигаться от причала. Пошли!

Несуетливо набирая скорость, яхта вышла из порта. В борт ударила невысокая волна, захлопали, поднимаясь, треугольные паруса, ловя свежий ветерок. На палубе вдруг загомонили, кто-то крикнул: «Пошла! Пошла!»

Ну вот, не одному мне радость.

Подошла Аглая, которую я обнял за плечи, прижал к себе. Вера, придерживая шляпу, встала рядом, глядя вперед.

Позже, когда кок позвал нас на завтрак, стоявший рядом с рулевым Игнатий обернулся, сказав, сияя улыбкой:

— А отлично идет яхта, значит! Летим, а не идем, понимаешь!

— Это хорошо, — кивнул я, — кто знает, от кого и как нам еще убежать придется.

— Убегать! — хмыкнул он. — Нам догонять надо, приватеры мы или нет?

— Это уж как сложится. Сегодня ты ешь медведя, завтра медведь ест тебя, — вспомнилась мне фраза из фильма. — Лучше ко всему быть готовым.

Но яхта шла хорошо — даже я, дилетант, это ощущал. Толковые люди строили судно. Интересно, как оно, франками выстроенное, попало к туркам? Как уже от турок к нам — это я и так помню хорошо.

Ближе к вечеру поднялось небольшое волнение, ветер усилился настолько, что стал срывать брызги с гребешков волн. Но раскачать яхту всерьез он был пока не в силах. При этом оставался попутным, так что мы лишь ускорились.

Жизнь на самой яхте была не в пример комфортней, чем на торговой шхуне. Свободные от вахты отдыхали в каютах, обед в просторной кают-компании был как на яхте скорее прогулочной — в общем, так путешествовать можно долго без всяких проблем. Экипаж был доволен и этого не скрывал.

И Иван судно хвалил, и Игнатий, и боцман Глеб, и даже мой помощник канонира Федька.

Хозяйская каюта и вовсе выше всяких похвал оказалась — и тихо, и удобно, и есть возможность перед сном спокойно книгу почитать. Ну и не только книгу, учитывая широкую и удобную кровать.

На второй день путешествия волнение еще усилилось. Штормом, наверное, это пока не назовешь, но качать стало заметней. Яхта шла с легким креном на правый борт, легко разрезая серо-зеленые волны острым форштевнем. Облака брызг накрывали палубу и даже долетали до лобового стекла ходовой рубки. Но экипаж ни малейшего беспокойства не проявлял, так что и я решил, что нервничать не стоит, а лучше получать удовольствие от путешествия, тем более что я не один, а с невестой, уже вполне официальной.

* * *

К Благовещенску подошли в середине дня. Город, начинаясь от самого моря, поднимался по пологому склону, зеленые волны катились к берегу, разбиваясь брызгами о высокий волнолом, ведущий к маяку — полосатой красно-белой башне, возвышающейся на рукотворном, сложенном из больших валунов островке. Было облачно, солнце спряталось за серыми облаками, затянувшими небо полностью.

Экипаж быстро и ловко спустил паруса, и яхта вошла в гавань на моторе. Волнение сразу улеглось, превратившись в мелкую рябь, которую ветерок гонял по поверхности воды. Место для швартовки нам выделили у второго причала, там, где стоят все больше посыльные суда и пассажирские, где грузить и разгружать ничего не надо. Двое негров ловко накинули тросы на тумбы, получили полагающееся вознаграждение и удалились, а мы еще минут пятнадцать ждали

появления портового чиновника и солдат, которые должны были взять плату за стоянку и проверить груз и пассажиров.

Пока ждали, Аглая с Верой пребывали в состоянии нетерпеливого возбуждения — вроде вот он, берег, а сойти пока нельзя. Да и экипаж свои планы имел на посещение города, не без того. К счастью, сама процедура проверки много времени не заняла. Чиновник — невысокий, толстый, с короткой бородкой, но огромными, как у Бисмарка, усами — проверил судовую роль. Не поленившись, он окликнул каждого внесенного в список, спустился в трюм, убедившись, что там не груз, а только припасы, взял оплату и дал мне расписаться в большом гроссбухе с застешками. На этом процедура досмотра завершилась.

— Вахта остается, остальные свободны до восьмого колокола, — зычно объявил Глеб экипажу свободу, и команда радостно гомоня, ломанулась на берег.

А что, теперь им и вовсе благодать, даже под погрузку-разгрузку вставать не надо, работы не в пример меньше стало. Преимущества нового статуса, так сказать.

— Вы сейчас куда? — спросил я у Веры с Аглаей.

— Веру в гостиницу устроим и по лавкам пройдемся, — сказала Аглая.

— Я к Стефану Бочкареву пойду, с товаром разбираться, — поправила ее Вера. — А потом, наверное, в гостинице буду.

Ну да, все верно, пришла она пассажиром, а пассажиры на берег переселяются обычно. Да и удобней ей в гостинице будет. И насчет Бочкарева она права — это уже работа, вот пусть и занимается семейным делом.

— Хорошо, а я сперва брата Иоанна найду, а потом, если время останется, зайду в «Ружье», там от Григория Дубинина заказ должен лежать, — объявил я о своих планах. — Вечером увидимся.

Женщины наняли двуколку с негром-кучером, а я пошагал в город пешком — хотелось твердую почву под ногами ощутить, а то все порываюсь качку компенсировать, из-за чего чувствую себя словно пьяный. А нога уже практически не болит, ходьбе не помеха.

Дорога до Синодского двора была мне уже знакома, довелось ходить по ней в прошлый мой приезд в Благовещенск. Разве что улицы города в пасмурную погоду выглядели как-то по-другому, и не было того зноя, что в прошлый раз давил. С моря дул свежий ветер, трепал маркизы над витринами и шуршал листьями деревьев в многочисленных маленьких парках. А так все было по-прежнему, много людей, много суеты, жизнь кипит. Может, и вправду Аглае лучше в таком месте было бы? Молодая женщина, красивая, в городе ей куда интересней, наверное.

В Синодском дворе, понятное дело, с прошлого визита ничего не изменилось. Караульные остановили меня на входе и поинтересовались целью визита, удовлетворившись кратким заявлением о том, что иду к брату Иоанну из Особого отдела. Непонятно, зачем и спрашивали.

Дальше было длинное здание из красного кирпича, был длинный полутемный коридор, в котором, как в церкви, пахло воском для натирания мебели и в котором шаги по каменной плитке были громкими, даже с эхом.

Брат Иоанн оказался у себя в кабинете, или, вернее сказать будет, в келье, потому что назвать такую клетушку кабинетом язык не повернется. Молодой, крепкий, очень смуглый, со шрамом на левой скуле, подозреваю, что от ножа. Увидев меня, явно и вполне искренне обрадовался, вскочил из-за стола, протягивая руку.

— Что, ремонт закончил? — спросил он вместо приветствия.

— И ремонт закончен, и набор экипажа — все закончено, — сказал я.

— Присаживайся, — показал он на стул напротив. — Чего тебе предложить?

— Я бы воды просто попил.

— Воды — это мы без проблем, — сказал он, взяв с подоконника стеклянный графин и налив полный стакан. — Держи, — протянул он его мне.

— Спасибо. — Вода была если не холодной, то вполне прохладной. — Так что мне теперь делать? Я уже за задачами сюда прибыл, мне, так сказать, вложения окупать надо, все трофеи ушли в ремонт и набор команды, и в долги залез, — чуть приукрасил я реальную ситуацию.

— Задачи давно готовы, — сказал Иван и взял с полки нетолстую картонную папку. — Задача первая и основная: базируюсь на Новую Факторию, составить подробное описание береговой линии примерно на триста морских миль в каждую сторону, уделяя особое внимание... как думаешь, чему? — посмотрел он на меня.

— Местам, удобным для стоянки, разгрузки судна и высадки десанта, — выдал я свою версию.

— Все верно, — кивнул Иван, усаживаясь за стол. — Всерьез этим с моря никто не занимался, особой нужды не было, но в последнее время... Да что объяснять, ты сам все видел. Ну и географы наши тоже к тебе подключатся, карты нужно совершенствовать. Защиту сумеешь им обеспечить?

— Пятеро бойцов хороших есть, отряд больше нанимать не счел нужным — и места для размещения нет, и смысла пока не вижу.

— Тогда... тогда вот как сделаем, — чуть подумав, сказал брат Иоанн. — Завтра с подъемом я у тебя на судне буду, посмотрю, что и как. Смонтируем пушку, потом... ну что потом,

потом ты грузишь меня и географов и идешь в Новую Факторию.

— И тебя? — немного удивился я.

— И меня, — подтвердил он. — Будем там что-то вроде представительства организовывать от нашего отдела, потому как похоже, что в тех краях нечто нехорошее намечается. Будем этим заниматься вместе с тобой. Готов?

— Я-то готов, но хотелось бы к вопросу оплаты вернуться, — сказал я.

* * *

Когда я вернулся на судно в нанятой коляске, везущей кроме меня еще и ящик с винтовками, Аглая была уже на борту, сидела с книгой в кают-компани.

— Как успехи? — спросил я ее, оглядываясь в поисках пакетов с покупками.

— Все уже в каюте, — совершенно верно истолковала она мой взгляд. — Успехи... значительные, я уже год как по магазинам не бегала в свое удовольствие. Завтра с утра на второй заход пойду.

— Серьезный подход, — кивнул я с уважением.

— А послезавтра — на третий, — сказала она решительно. — И если собираешься меня останавливать, то лучше сразу требуй разорвать помолвку.

— Да я что? Я ничего! — сразу решительно отверг я все подозрения.

Я не настолько псих, чтобы вставать между женщиной и шопингом.

— Билеты в театр я купила, нам примерно... — она оглянулась на висящий на переборке хронометр, — через час выходить.

— И что будем смотреть?

— Любовную драму, «Тихий остров». Не читал?

— Нет.

— Тогда посмотришь, а когда-нибудь и прочитаешь, может быть. Оденься прилично, в театр идем все же.

— А в чем у вас в театр прилично? — спросил я тихо, почти шепотом.

Аглая вздохнула, поднялась из-за стола, сказала:

— Пошли в каюту, помогу выбрать.

Вообще-то приличным оказался наряд «как на танцы», костюмов с галстуками здесь не водилось, что, может, и к лучшему. А вместо пиджаков были жилетки, все те же, неизменные, я к ним уже привык, днем — рабочие вроде разгрузок, а по вечерам — приличные, из ткани подороже.

В театр отправились на бричке, наняв ее на «стоянке такси» у порта. Извозчиком предсказуемо оказался негр с растительным рисунком татуировки на лице. Похоже, частный извоз здесь сугубо негритянский бизнес.

Ехали неторопливо, шагом, было время поглазеть по сторонам. К вечеру народу на улицах прибавилось, лавки с магазинами открыты, из кабаков и кабачков музыка или просто звон посуды, а у театра — большого двухэтажного краснокирпичного дома — так и вовсе столпотворение было. Оказалось, мы еще и на премьеру попали.

А дальше все было как обычно — фойе с буфетом, толпа, гул голосов, настраивающий инструменты оркестр в яме, тишина перед поднятием занавеса, декорации, изображающие маленький городок на острове, точь-в-точь наша Бухта.

И спектакль понравился, и играли хорошо, и история любви шкипера-китобоя и учительницы из местной школы тоже сочувствие вызвала. То есть действительно в театр сходил, и причем с удовольствием, потому как с театром с давних пор у меня отношения были сложными. Раньше вроде любил и ходил часто, а потом кто-то подкинул мне билеты в Ленком, на «Гамлета», который оказался вовсе и не класси-

кой, а тем, как настоящий современный творческий человек классику видит. Была там дочь главрежа в роли Офелии, рожавшая тряпчоную куклу, Гамлет напивался с Лаэртом в бане и нес пургу в стиле «ты меня уважаешь?» и многое другое. После этого как-то совсем интерес к театру пропал, бросил ходить, а вот теперь — пожалуйста.

Хоть спектакль закончился поздно, ехать обратно на судно не хотелось. Настроение было праздничным, хотелось, чтобы вечер не заканчивался. Нашли открытый ресторан с видом на гавань, в том числе и на яхту «Аглая», где и поужинали нечеловеческим количеством устриц и других морских гадов, выложенных на лед и поливаемых лимонным соком. И все это под хорошее белое вино вроде «петит шабли». Нет, точно вечер удался.

Правда, с утра вчера выпитое вино немного дало о себе знать. Не сильно, нельзя сказать, что перепил, но все же какие-то последствия были. Пришлось, как поднялся, захватить большой стакан воды с лимоном, а потом еще и крепкого кофе попросить. Аглая же благополучно осталась спать в каюте и вставать не собиралась, а я вынужден был встречать брата Иоанна, припершегося с самого ранья, да еще и в компании сразу четырех человек.

— Знакомься, — перешел он к ритуалу взаимных представлений. — Это Платон Вербин, географ и геолог, присоединяется к твоей экспедиции.

Мне протянул руку невысокий, но плечистый и явно сильный мужик лет слегка за тридцать, с широким скуластым лицом, на котором выделялись маленькие, но цепкие и внимательные зеленые глаза, и рыжей бородой.

— Алексей Богданов, — пожал я ему руку.

На Паганеля Платон совсем не походил, хотя я почему-то совершенно подсознательно ожидал кого-то подобного.

— Это Макар Плотников, мастер, будет установкой приватирской пушки руководить, — представил брат Иоанн пожилого дядьку, жилистого и сутулого, с длинной бородой и в картузе вместо шляпы.

— Это брат Никанор, мой помощник и заместитель, отправимся вместе.

Брат Никанор был молодым, рослым, крепким, с обветренным загорелым лицом, с круглой бородкой вроде моей и бритым налысо черепом. На духовное лицо он похож был совсем мало, разве что сюртуком и крестом, а вот на бойца — куда больше. Особенно если глянуть на костяшки его кулаков. Ну да особой духовности от Особого отдела Синода я уже и не ждал, спецслужба — она и в этом мире спецслужба.

А вот четвертого спутника брата Иоанна я знал, даже представлять не потребовалось.

— Знакомы, знакомы, — сказал я, приобняв за плечи визитера. — Привет, Пламен, а ты как ко мне? — обратился я уже к сыну Евгена.

— На практику определили, — ответил за него Платон Вербин. — Я у него за полевого наставника буду.

А, ну все верно, Вера же говорила, что Пламен как раз на географа и геолога учится. И теперь вот практика.

— То есть ты со мной в экспедицию? — уточнил я у парня.

— Выходит, что так, Алексей Александрович, — почему-то смутился он.

— Так, — оглядел я присутствующих. — Мне теперь с местами определиться... географам каюта есть, братьям... ладно, братьев устроим, люди вахты стоят, так что свободные койки будут. Ну и на самый крайний можно в грузовом трюме койки подвесить. Что сейчас от меня требуется?

— Мы с братом Никанором судно осмотрим, соответствует ли требованиям, а Макар пока с вашим плотником проверит укрепление под пушку, — ответил брат Иоанн, раскрывая

брезентовый портфель с обшитыми кожей краями. — Если нормально, то завтра с утра будем устанавливать, а сегодня закончим все с бумагами и прочим. А географы просто на каюту свою глянут — да и все.

— Все так все, — кивнул я, после чего тихо спросил у Пламена: — Ты знаешь, что Вера здесь?

— Здесь? — удивился он. — На судне?

— Нет, в гостинице «Бриз», но она со мной прибыла.

— Правда? Спасибо. А можно к ней?

— А я тебе что, начальник? — не понял я вопроса. — Застать ее только надо, она по работе. Да, да, признали совершеннолетней, — добавил я, ответив на невысказанный вопрос.

— Ой, спасибо! — обрадовался он.

Вот так, мужик, счастье тебе подвалило неожиданно. Я-то давно заметил, какими ты глазами на Веру смотришь. Ну, где ее искать, я тебе сказал, а дальше уже сам справляйся.

«Святые братья» судно принимали придирчиво, заглянули везде, сопровождаемые Игнатием и Глебом. Выспрашивали все — сколько воды может взять, на сколько топлива хватает, сколько можем в море без захода в порт пробыть, а плотник между тем со своим коллегой из команды, Романом Возницыным, возился в трюме.

Аглая проснулась примерно к обеду, явно довольная тем, что сбежала не только от работы, но и от распорядка дня. Перездоровалась со всеми новыми людьми, оделась к выходу и, известив меня о том, что пообедала, а скорее всего позавтракает, в городе, поймала коляску и отправилась на вторую серию шопинга, явно одолеваемая какими-то планами.

Между тем в порт вошла и рядом с нами ошвартовалась еще одна яхта, подлиннее нашей метра на четыре, с белыми бортами и белыми же надстройками. Две пушки, стоят открыто, сзади Гочкис вроде того, что у нас пока в ящике

лежит, а спереди другая, побольше, накрытая брезентом. Еще экипаж удивил многочисленностью, все сейчас толпились на палубе, слушая, как им что-то говорит рослый мужик с черной повязкой на глазу, который явно раздавал последние ценные указания, перед тем как команда рванет по кабакам.

— А, Исайя Одноглазый и «Молот Судьбы», — сказал подошедший сзади брат Иоанн. — Наследственный приватир, можно сказать, только ловлей пиратов и занимается. Таких, как он, больше и нет, наверное. «Мститель» еще был, ваш механик с ним ходил, но это давно, а вот Исайя уже лет пятнадцать в деле, и отец его этим же занимался.

— Что-то личное или профессия?

— Семья у отца Исайи погибла, у него личное было. А у сына уже профессия, на жизнь зарабатывает.

— Хорошо зарабатывает?

— Неплохо, — усмехнулся брат Иоанн. — Жить можно. Он, кстати, здесь, в Благовещенске, неплохой дом купил, а на двух отбитых шхунах его приказчики ходят, товар возят. Ты ведь, поди, главное забыл: важно не то, как церковь платит за уничтоженных пиратов, а то, что захваченные суда переходят захватившему. А у Исайи и вся команда в доле, вроде как кооператив. Кстати, — добавил он, — мы здесь закончили. Бери своего шкипера и пошли к нам, будем оформлять приватирское удостоверение, ну и вымпел получишь.

— Судно требованиям отвечает? — уточнил я.

— Вполне. Кстати, завтра тебе кое-какое добро подвезут, будь готов принять и освоить.

— Что за добро?

— Увидишь. Ты когда-нибудь с дыхательным аппаратом нырял?

— Приходилось, не раз.

— Вот и получишь пару таких. Могут пригодиться в будущем.

* * *

Вернулись мы в тот день с Игнатием на яхту часов в шесть, с подписанным патентом, извещавшим, что отныне мы являемся законно приватирским судном и выполняем задачи, порученные нам церковью и властями, и свернутым шелковым вымпелом — белым, с синим христианским крестом, точно таким же, какой развевался на мачте «Молота Судьбы». Подняли его с гиканьем и свистом, а не будь мы в порту, так и стрельбу в небо устроили бы.

На следующее утро на ломовой телеге подвезли разобранную пушку, и только сейчас я ее наконец нормально рассмотрел. Тоже ничего неизвестного, что-то подобное я, насколько помню, видел в артиллерийском музее, трехдюймовая горная пушка, переделанная в морскую, на поворотной тумбе, с простеньким оптическим прицелом, установленным не на самой пушке, а на станине. Нет, не совсем уж такая, отличий много, но принцип, так сказать, соблюден.

К пушке, к радости моей невероятной, прилагалось вполне полноценное наставление по стрельбе и обслуживанию. Наставление изобиловало таблицами и схемами и выглядело так, будто напечатано оно было «Воениздатом» годах так... в советских примерно, стандартно для тех времен — серая картонная обложка, матерчатый корешок. Но зато в нем было предусмотрено, похоже, все, вплоть до методов «ловли цели» с качающейся палубы. Из него же я узнал, что пушка эта калибром в восемьдесят миллиметров стреляет осколочно-фугасными и зажигательными гранатами на дистанцию аж до четырех километров. При этом граната летит со скоростью триста девяносто метров в секунду, то есть довольно медленно и по очень крутой траектории. Ну да, все хорошо сразу не бывает, пушка мощнее, но попадать из нее будет как бы даже не труднее, чем из «гочкиса». Правда, и результат от восьмидесятимиллиметрового снаряда весом в

семь килограммов должен быть куда более впечатляющим, чем от легкого снаряда из «гочкиса». Имелась и картечь, что для абордажа было совсем нелишним.

Заряжание было отдельным: сперва в казенник заталкивался снаряд, а уже затем гильза, в которую предварительно закидывалось несколько плоских картузов пороха. На пяти картузах скорость снаряда была максимальной, а с одним картузом можно было стрелять как из мортиры — таблицы стрельбы в наставлении были на все, знай себе учи. Ну и еще гильзы можно было использовать многократно, только меняй капсули и загружай новые заряды.

Пушка самым подлым образом разлучила меня с невестой. Аглаю одолевали планы на отпуск, а я засел за выучивание наставления наизусть и за изучение матчасти, попутно составляя учить то же самое личный состав. В результате компанию Аглае составляла все больше Вера, а я сидел рядом с пушкой, листал книгу, бубнил под нос цифры, стараясь их запомнить, и походил, наверное, на помешанного.

Потом был принят запас снарядов, которым меня в самом прямом смысле слова кредитовали, так что относиться следовало бережно. Кормовой «гочкис» тоже установили на тумбу постоянно, замотав в брезент — под приватирским выпелом это разрешалось.

Прибыл и обещанный ящик, который я сразу потребовал оттащить ко мне в каюту. Уже там, подальше от всех лишних глаз, его открыли, после чего я присвистнул.

— Вот как. — Я вытащил из него укороченный рычажный карабин с длинным цилиндрическим утолщением на стволе. — Глушак, значит. Интересно. Не видел пока.

— Так их же не продают, — сказал Иван, присевший рядом на корточки. — Это только приватирам или солдатам.

Он достал второй карабин, лягнул затвором. Я вскрыл коробку патронов, вытряхнул парочку на ладонь. Все те же

одиннадцать миллиметров, но пуля какая большая и тяжелая... хоть и сидит глубоко в гильзе, но я по весу могу определить, что свинца здесь много. Хм... из такого карабина метров на сто как минимум можно стрелять, наверное. И если глушитель правильный, то звука будет очень даже немного, автоматика здесь нет, лязгать нечему.

— Иван, а сами такого не делают?

Я быстро набил магазин карабина патронами. Влезло пять штук, шестой можно в ствол загнать. Затем выбросил патроны на кровать, быстро дергая рычаг.

— Пытаются, — ответил Иван. — Система несложная. Пираты и на Овечьем как раз, но тут дело такое — если с таким стволом в наших границах попадешься, то суд и тюрьма тебе грозят. Считается, что для хороших дел такого не нужно.

— Спасибо за определение, — усмехнулся я, откладывая карабин в сторону и доставая однозарядный пистолет с длинным стволом-глушителем.

Тот же калибр, удобная ручка, слева рычажок — нажал, и ствол под своим весом опустился, позволяя выбросить пустую гильзу и вставить новый патрон. Не ах, но все же, зато компактный, в отличие от карабина.

Так, и таблица по снаряжению патронов нашлась, тогда все еще проще будет, не надо экспериментальным путем правильную навеску подбирать. И пулелейка есть. Отлично.

Арбалеты. Два. Спасибо. Вообще они здесь в лавках свободно продаются, правда, покупают их мало — игрушка, забава. Гарпунные ружья и то куда лучше берут, равно как и большие китобойные баллисты. Но нам могут пригодиться.

А сделаны серьезно. Конструкция — стальной профиль с круглыми отверстиями для снижения веса, металл фосфатирован, черный, матовый, приклад тоже стальной, каркасный, с резиновым затыльником и щекой. Почему так? В продаже я больше видел деревянные.

Дуги у арбалетов хитрой изогнутой формы, да еще и с колесиками-эксцентриками. Тетива натянута тоже как-то в несколько уровней, даже не поймешь сразу, куда там что идет. Ага, вот в чем разница: один арбалет, длинный, натягивается воротком с трещоткой, второй — стременем, то есть он полегче, получается. Пистолетная рукоятка обрешиненная, удобная. Натянул один, который больше, спустил — а звук совсем не сильный, тетива на спуске прилетает в резиновые амортизаторы, глушится. Не знаю, правда, сколько амортизаторы продержатся.

Так, болты металлические, оперение из толстой кожи. Штук пятьдесят есть в запасе. Ага, а металлические они потому, арбалеты эти самые, что... все верно, чтобы с ними нырять можно было.

— Петр, стрелял из таких? — спросил я у Байкина, сидевшего в кресле.

— Нет, но хитрости никакой не вижу. Разве что этот, — он указал пальцем на арбалет подлиннее, — можно всего раз зарядить. А начнешь ручку крутить — тишины уже не будет.

Это он правильно заметил. Но воротковый явно мощнее, а который со стременем, тот и полегче, и послабее, получается.

Так, а это что?

Подцепив что-то вроде увесистого рюкзака с трубками, я вытащил из ящика ребризера. Ага, он самый, изобретенный еще в девятнадцатом веке дыхательный аппарат замкнутого цикла.

— Кто-нибудь раньше пользовался? — спросил я.

— Доводилось, — сказал Иван. — Ничего сложного. Хотели даже для «Чайки» купить, если к днищу или винту нырять, но потом решили, что шланг с помпой будет все же лучше. — Иван вытащил второй аппарат из ящика, как-то разочарованно щелкнул языком. — Только, смотрю, ни костюма, ни маски нет, ни трубки. Все покупать предлагается.

Вот как. А я ничего такого в продаже и не видел. Хорошо, что опять глупость не ляпнул. Но раз купить можно — купим. А вот ящик патронов с реагентом имеется в запасе, это нормально. А по факту брат Иоанн подогнал нам «Набор юного диверсанта», который, как я думаю, может очень сильно пригодиться.

Недостающим закупились на следующий день в лавке «Удачливый рыболов», куда я бы ни за что заглянуть не догадался. Купили там маски — серая резина и стекло, такие я еще по своему детству помнил, еще взяли некое подобие гидрокостюмов из прорезиненной темной ткани, утягивающихся резиновыми лентами во многих местах, чтобы не парусили. Трубки, жестяные с резиной, некомфортно тяжелые. Ласты с высокими резиновыми ботами. Ладно, надо будет это все еще и испытать.

Там же, в этой лавке, продавались арбалеты для подводной охоты, с прикрепленными к ним катушками, и как раз те самые разборные баллисты, которые следовало устанавливать на борт судна.

В общей сложности в Благовещенске простояли пять дней и утром шестого отчалили, взяв курс на Большой Скот, чему не слишком обрадовался брат Иоанн, вместе с братом Никанором стремившийся как можно быстрее попасть в Новую Факторию. Но тут уже ничего не поделаешь, надо Аглаю и Веру завезти домой, да и Пламен как нельзя больше обрадовался неожиданной возможности увидеть семью.

Обратный рейс затянулся, ветра почти не было, а какой был, тот дул не туда, куда следует, много пришлось двигаться на моторе. С одной стороны, я был рад, что и Ивану дело нашлось, но с другой — все расходы, расходы. Ветер хотя бы бесплатный, на халяву дует.

Разместились уже теснее, я сам перебрался в каюту к шкиперу, где с большим неудовольствием обнаружил, что Игна-